

ЛИК ДРУГОГО В ФИЛОСОФИИ Э. ЛЕВИНАСА И «ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ МОЛИТВЕ» С. АЛЕКСИЕВИЧ

Введение. Философы-экзистенциалисты рассматривают человека как проект, как то, чего нет, но может случиться. Человек не есть лишь тело, но, прежде всего, экзистенциальная драма, история борьбы за то, чтобы стать тем, кем может стать человек, согласно заложенному в его основу жизненному проекту. Поэтому человек рассматривается не как данность, а как возможность. В силу такого представления человек никогда не «есть уже», но всегда лишь только «силится» им быть. «Быть человеком — значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия... человек — это драма. А драма, как правило, предполагает неопределённость относительно будущего, когда каждый новый грядущий миг преисполнен угроз и тревог... человек всегда живёт под угрозой утратить свою человечность» [1, с. 490]. Существует всегда опасность, что человек может освободить себя от потребности и ответственности быть человеком. При этом важно заметить, что потребности человека не сводятся к потребностям только природным. Они охватывают как необходимые, чтобы физически выжить, так и избыточные. Причём именно избыточные потребности и являются истинно человеческими. Чтобы стать человеком, необходимо усилие превзойти эту природную данность, т. е. осознать себя самого как нечто большее, чем плоть и кровь. Следовательно, быть человеком — это всегда некая избыточность по отношению к природной данности, встроенной в череду объективных жизненных обстоятельств.

Основная часть. Современное человечество живёт в условиях радикальной социокультурной трансформации. Высокие технические и гуманитарные технологии, социальные и культурные революции, охватывающие планету подчас в весьма неожиданных проявлениях, — всё это признаки глобальных системных изменений, происходящих у нас на глазах и вовлекающих нас в новую сверхсложную систему мироустройства.

Переход в иное социальное измерение, сопряжённый с разрушением устоявшихся культурных порядков, с помощью которых организовывался жизненный мир и осуществлялся процесс понимания его, влечёт радикальные изменения самих способов существования людей, практик их коммуникации и социальных дискурсов.

Разрушение общепонятного символического универсума культуры в условиях становящегося глобального информационного общества затрудняет процесс понимания происходящего в мире и в самом человеке. Об этом свидетельствуют социальные напряжённости на межэтническом, межконфессиональном, междуличностном уровне.

Возникает вопрос: каковы те основания, благодаря которым современный человек сможет реализовать себя как жизненный проект, вносить смыслы в мир, упорядочивая свои отношения с окружающим миром и возникший собственный опыт в условиях разрушения устоявшихся механизмов трансляции и восприятия жизненно важных смыслов, выступающих в качестве организующих условий жизнедеятельности человека? Каким образом в складывающихся условиях возможен процесс понимания себя и другого в различного рода коммуникативных практиках, в пространстве которых реализуется личная жизнь и профессиональная деятельность современного субъекта, когда в контексте современной социокультурной трансформации любую коммуникативную практику можно интерпретировать как столкновение культурных альтернатив?

В условиях кризиса оснований социокультурной ориентации современного общества среди множества концепций, претендующих на обнаружение выхода из сложившейся ситуации, представляется продуктивной концепция французского философа XX в. Э. Левинаса, которую условно можно обозначить как «гуманизм Другого», сообразуясь с названием одной из основных его работ. Оригинальность данной концепции заключается в описании иного, противоположного современной культуре потребления, проекта, основу которого составляет культура любви.

Мы попробуем рассмотреть не только актуальность данной концепции в теоретическом плане, но и её реализацию в жизни сквозь призму события тридцатилетней давности — техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС, засвидетельствованной в художественно-документальной книге С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва: Хроника будущего», в частности, в одной из самых эмоционально напряжённых и трогательных историй «Одинокий голос человека».

Анализируя сложившуюся со времён Античности философскую традицию понимания мира и организации опыта человека западной культуры и обнаруживая её кризисность, проявившуюся в глобальных катастрофах XX в., французский философ Э. Левинас отказывается от онтологии и феноменологии и в качестве «первой философии» выдвигает этику. Однако этику он понимает не как свод правил, предопределяющих образ мышления и способность понимания, но как новый вид опыта, в основу которого положен примат общения над бытием. Суть концепции Э. Левинаса заключается в замене спекулятивных построений дескрипцией этического отношения к Другому как ненасильственного отношения к бесконечно Иному. Тем самым ключевое значение в диалоге философ отводит категории Другого, а точнее, его принципиально непознаваемой инаковости. Именно направленность на инаковость Другого, которую философ определяет как лик Другого, создаёт возможность взаимного сосуществования свободы субъекта и свободы Другого в коммуникации. При этом подчёркивается, что Другой,

который никогда не равен субъекту, не рассматривается как препятствие свободе субъекта. Обозначая асимметричность позиций общающихся, Левинас пытается избежать столкновения двух свобод, в котором одна стремится поглотить другую в живом и неповторимом общении.

Подлинное общение с Другим философ описывает как событие «лицом к лицу», в котором позиция Другого определяется как позиция подверженного смертельной опасности, а значит, лишённого воли и свободы, за кого субъект должен принять ответственность. Поэтому субъекту, заботящемуся о своём бытии, а следовательно, привыкшему жить и действовать в свете своих интересов и потребностей, необходимо перестроиться таким образом, чтобы дать место в своём жизненном пространстве Другому, чтобы возникла возможность услышать, увидеть и воспринять самоценность этого Другого безотносительно к обстоятельствам собственной жизни. Иными словами, признать право Другого быть самим собой, а не существовать в качестве кого-то для кого-то, в частности, для субъекта.

Левинас усиливает позицию Другого в событии «лицом к лицу», утверждая, что Другой имеет право существовать не только вне субъекта, но даже и против него. Именно в этой ситуации способность увидеть его инаковость, его Лицо, ранимое и выразительное под внешней формой, и услышать его нравственный призыв «Не убий!» возникает, когда Другой признаётся собеседником прежде, чем будет понят, т. е. когда Другой принимается как дар. К дару нельзя применить насилие, им невозможно обладать, его можно лишь принять и быть за него в ответе. «Лицо есть тот нередуцируемый модус, соответственно которому сущее способно представлять в своей идентичности» [2, с. 326]. Обнаруженная в Лике инаковость Другого, не сводимая к идее человеческого лица, определяет движение субъекта в опыте общения к тому пределу, который является нередуцируемо «иным». Тем самым Левинас пытается обозначить в предельном опыте общения некоторое «пустое» пространство (зияющую полноту), которое не позволяет возникшему опыту замкнуться ни в какой категории или тотальности. Здесь, в этом атопичном, доисторическом коммуникативном состоянии и рождается смысл. «Присутствие лица есть не что иное, как возможность слышать и понимать друг друга» [3]. Лик «говорит», и именно он делает возможной и начинает любую речь. Способ, каким субъект достигает этого состояния, Левинас обозначает категорией «ласка». «Ласка — это способ бытия, когда субъект, соприкасаясь с другим, идёт дальше этого соприкосновения. ... Она как бы игра с чем-то скрывающимся, игра без всякого намерения и цели, не с тем, что может стать нашим и нами, а с чем-то другим, всегда другим, непостижимым, что должно прийти» [4, с. 97]. Видение лица Левинас рассматривает не как опыт, не как переживание субъектом своих опущений, но как выход за пределы своего «Я», когда в соприкосновении с другим существом обнаруживается та непреодолимая бесконечность, в которой пропадает намерение убить. Лик не познаётся субъектом, но лишь сообщается с ним. Событие «лицом к лицу» является началом всякого дискурса. Лик есть собственно сама речь, которая не удовлетворяет потребности субъекта в познании, доставляющем ему наслаждение, но с которой начинается духовный путь внутреннего преобразования человека. Воспринимая Другого как того, кто важнее самого субъекта, субъект получает возможность воспринять от него новизну смысла, которая невозможна была бы внутри игры тождественного, т. е. внутри одиночества субъекта, приговорённого к самому себе.

Таким образом, концепцию Э. Левинаса «гуманизм Другого» можно рассматривать как основание культуры глубинного общения, являющейся альтернативой культуры информационного контакта, формирующейся в условиях широко распространяющихся современных информационно-коммуникативных технологий и отличающейся поверхностным отношением к собеседнику.

В истории «Одинокий человеческий голос» С. Алексиевич нашла воплощение драма не только семьи Игнатенко, не только государства СССР, но всего человечества, реализовавшего новоевропейский культурный проект с верой в Человека и его способность самостоятельно, с помощью своего просвещённого Разума стать властелином бытия и устроить совершенный миропорядок. Катастрофы в Чернобыле, а затем и на Фукусиме свидетельствуют о дискредитированности суверенного Разума и кризисе идентичности современного человека, который как бы потерялся в современном мире.

Осознавая сущность всех глобальных катастроф XX в., Э. Левинас пытался преодолеть сложившуюся со времён Парменида онтологию, полагая, что бытийствовать и постигать бытие означает стремление субъекта утверждать себя в этом бытии, подчиняя окружающий природный и социальный мир своим потребностям и интересам. В этом устремлении к свободному осуществлению себя в мире субъект не считается со свободой и уникальностью Другого. Поэтому сложившаяся культура по мнению Левинаса есть практика захвата, присвоения и удовлетворения. В этой культуре потребления нет места для Другого, а потому и не может ставиться вопрос о понимании уникальности и самобытности Другого. Поэтому сущность этики Левинаса составляет разрыв с порядком бытия, выход за пределы онтологии человеческого присутствия в иное измерение — в измерение «иначе, чем быть» («От бытия к иному» — название одной из работ философа).

Из истории «Одинокий человеческий голос» очевидно, что чернобыльская катастрофа для всех людей города Припяти в одночасье произвела разрыв с устоявшимся порядком человеческого бытия. Различие заключалось лишь в способах организации людьми взорвавшегося социального космоса. Одни готовились к эвакуации из города на несколько дней и пытались справиться с радикально меняющимся на глазах мире, упорядочивая его через привычные формы организации жизни, — обсуждали неожиданную эвакуацию как возможность празднования Первого мая на природе. Первые же ликвидаторы пожара и их семьи оказались уже в ином измерении, которое Левинас определяет как «иначе, чем быть». В измерении, для понимания происходящих процессов которого ничего из существующего в человеческом опыте не подходило. «Взорвались» вместе с реактором и привычные представления о том, как позаботиться о пострадавших. Взорвалась вся прагматика жизни. Забота о ближнем стала самоценностью.

В интонационном строе мыслей и чувств Людмилы Игнатенко проступает вся экзистенциальная драма становления человека в абсолютно новых обстоятельствах, неизвестных до этого человечеству. «Одиноким человеческий голос» — история внутреннего преображения двух обычных молодых людей из города Припяти, послужившая основой для множества театральных постановок во всем мире.

Человеческий голос Людмилы Игнатенко, жены погибшего пожарника Василия Игнатенко, повествует о преображающей силе любви, неподвластной никаким смертельным угрозам и даже самой смерти. Четырнадцать суток жизни в клинике лучевой болезни в Москве, где лечили Василия Игнатенко и в которой почти непрерывно днём и ночью Людмила ухаживала за своим мужем, — это жизнь двух молодых людей на пределе человеческих возможностей. Четырнадцать суток борьбы за жизнь мужа без всяких гарантий на его выздоровление и с огромным риском для жизни своей и будущего ребёнка, несмотря на запреты врачей на её присутствие в больнице. «Мне запрещали его обнимать. Гладить... Но я... Я поднимала и усаживала его на кровать. Перестилала постель, ставила градусник, приносила и уносила судно... Вытирала... Всю ночь рядом. Сторожила каждое его движение» [5, с. 18—19]. «Жизнь на пределе между врачебным “нельзя” и своим бесконечным “люблю”». «“Но я знала, что уже отсюда не уйду. Если уйду, то с ним. Поклялась себе!” — вспоминает Людмила» [6].

Каждый из супругов семьи Игнатенко, находясь не в равном положении по отношению друг к другу, переносил в складывающихся обстоятельствах акцент внимания с себя на другого, воспринимая другого как того, кто важнее самого себя, получая возможность воспринять от него новизну смысла, которая невозможна была бы внутри их личного одиночества, если бы каждый был обращён только на себя, приговорён к самому себе в тех трагических обстоятельствах.

Девятого мая. «Я обещал тебе, что покажу Москву. Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы... Оглянулась — достаёт из-под подушки три гвоздики» [7]. «А ведь до конца жизни Василия оставались считанные дни. Дни, в которые тело его необратимо менялось. Людмила вспоминала: “Он стал меняться — каждый день я уже встречала другого человека... Ожоги выходили наверх... Во рту, на языке и щеках, сначала появились маленькие язвочки, потом они разрослись. Пластами отходила слизистая... Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый... А оно такое все моё, такое любимое!» [8].

Привыкнув жить и действовать в свете своих интересов и потребностей, необходимо было мгновенно перестроиться таким образом, чтобы дать место в своём жизненном пространстве другому человеку, чтобы возникла возможность услышать, увидеть и воспринять самоценность этого Другого безотносительно к обстоятельствам собственной жизни. Иными словами, признать право Другого быть самим собой, а не существовать в качестве кого-то для кого-то. Узнав, что костный мозг хотят взять у его младшей сестрички, так как он лучше других ему подходил, Василий отказался: «Я лучше умру. Не трогайте её, она маленькая» [9]. В разворачивающемся событии Людмила и Василий всегда были за пределами своего «Я», когда в соприкосновении с другим обнаруживается та непреодолимая бесконечность, в которой открывается видение Лика. Другой принимается как дар.

Потрясает в этой истории, что сердце молоденькой двадцатитрёхлетней девушки болело не только за жизнь собственного мужа, но и за всех пожарников, пострадавших на ЧАЭС и находящихся в московской клинике. «Все протереть, покрошить, разлить по порциям... С шестью пол-литровыми баночками... Всегда на шестерых! В больницу...» [10].

Левинас утверждает: в ситуации «лицом к лицу» Другой имеет право существовать не только вне субъекта, но даже и против него. Дозы облучения, которые получили пожарники, были такими, что в клинике, «где они лежали, “зашкаливали” даже стены» [11]. Именно в этой ситуации способность увидеть, открыть инаковость Другого, его ранимый Лик, который не познаётся субъектом, но лишь сообщается с ним, возможна когда начинается духовный путь внутреннего преображения человека. Этот путь внутреннего преображения определил движение супругов в опыте общения к тому пределу, который, являясь нередуцируемо «иным», обнаруживает Лик Другого, не сводимый к идее человеческого лица. Происходили необратимые изменения тела любимого человека. Сыпались врачебные увещания: «Вы не должны забывать, что перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения» [12]. Принимая друг друга как дар, в отношениях супруги Игнатенко вышли за пределы онтологии человеческого присутствия в иное измерение — в измерение «иначе, чем быть». Измерение, в котором в результате возможности слышать и понимать друг друга рождается смысл. «Я любила его. Я ещё не знала, как я его любила!» [13]. Способ достижения этого состояния бытия Левинас обозначает категорией «ласка», когда субъект, соприкасаясь с другим, идёт дальше этого соприкосновения. «Я готова сделать все, чтобы он только не думал о смерти» [14].

Событие любви Василия и Людмилы Игнатенко, происходившее в реальной жизни, осуществлялось за пределами земной человеческой логики. История одной семьи вобрала в себя судьбы других людей, которые помогали, как могли. «Я удивляюсь теперь своим знакомым, они, конечно, боялись, не могли не бояться. Уже ходили всякие слухи, но всё равно сами мне предлагали: бери всё, что надо... Встретила тогда много хороших людей» [15].

Заключение. Коммуникация в концепции Левинаса, рассматриваемая как событие «лицом к лицу», не представляет собой простой обмен выражениями как некими определёнными потоками информации. Значение, приходящее от Другого, следует рассматривать как сказывание — первичную форму интересубъективного отношения, дающую возможность для всякого последующего высказывания, являющегося лишь следом этого сказывания.

Голос Людмилы Игнатенко из «Чернобыльской молитвы: Хроники будущего», свидетельствующий о свободном выборе людей в критических обстоятельствах, для нас сегодняшних есть то сказывание Другого, которое даёт возможность нам для последующего высказывания. Хроника «события любви» семьи Игнатенко может стать проектом для Времени будущего.

Окажется ли наш выбор способа существования, осуществляемый между культурой любви и культурой потребления, достойным их поступка?

Список цитируемых источников

1. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Избранные труды : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь мир, 2000. С. 480—698.
2. Левинас Э. Трудная свобода. Очерки по иудаизму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml> (дата обращения: 17.06.08).
3. Там же.
4. Левинас Э. Время и Другой // Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. С. 21—119.
5. Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М. : Время, 2013. 304 с.
6. Там же. С. 15.
7. Там же. С. 18.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 20.
10. Там же. С. 17.
11. Там же. С. 17.
12. Там же. С. 21.
13. Там же. С. 17.
14. Там же. С. 21.
15. Там же. С. 16.

Репозиторий Баргу